

и безусловным требованием, — она вырождается в нечто весьма малопочтенное: конформизм, беспринципность, приспосабливаемость, с одной стороны, и лицемерное и циничное надругательство над правами человека — с другой. В нынешних условиях адепты постмодернизма отстаивают идею о том, что, в сущности, нет таких принципов, за которые человеку стоило бы отдать жизнь. Поэтому проповедь всеобщей толерантности и политкорректности якобы становится правилом хорошего поведения в приличном обществе. Однако, развитие событий в мире (пресловутое «после 11 сентября!»), похоже, способно существенно поколебать эти устои. Что снова возвращает нас к вопросу об отношении к таким явлениям, как расизм, фашизм, терроризм, религиозный фундаментализм. Насколько толерантными должны мы быть в отношении этих явлений? Что означает терпеть социальное и национальное неравенство и угнетение и каковы пределы такого терпения?

Здесь начинался, по мнению марксизма, тот водораздел, за которым никакой компромисс был невозможен, — если обнаруживались интересы эксплуататорских классов (их защита или хотя бы нейтральное к ним отношение). Ленин повторял: «марксизм несовместим ни с каким обоснованием угнетения или социального неравенства». Здесь марксизм требовал проявления максимальной жесткости. Сегодня стало немодным говорить об эксплуатации и неравенстве (значительное число авторов с наивностью первооткрывателей ринулись доказывать несостоятельность подобных идей). Однако развитие событий очень скоро обнаруживает ребяческий характер подобных надежд: возможно, социализм и марксизм не дали «единственно верной и научной» теории социального неравенства и его крайнего выражения — эксплу-

атации, но от этого суть явления нисколько не померкла и оно никуда не исчезло. Разве сегодня не происходит социально-несправедливого перераспределения богатств (например, природных, интеллектуальных) между так называемым «золотым миллиардом» и остальным миром?

Здесь возникал еще один аспект марксистского понимания толерантности — разделение человека, личности и ее взглядов. Более того, еще Маркс говорил о «масках», которые получают в системе социальных отношений люди: капиталиста, рантье, феодала, наемного работника и т.п. Поэтому, с точки зрения марксизма — социальные функции (роли, идеи, политические позиции и т.п.) одно, а индивидуально-личностные качества — другое. И одно — другое не заменяет и не упраздняет. Капиталист, эксплуататор может быть в личной жизни примерным семьянином, чутким и заботливым человеком, — не в том суть его социальной маски. Человеческие качества, в свою очередь, не могут сделать более приемлемыми социально-политические позиции данной личности. Эта проблема и по сию пору остается весьма острой: ссылки на человеческие добродетели террористов и фашистских диктаторов довольно распространены в апологетической литературе (ибо это есть одна из разновидностей риторического доказательства). В своей собственной практике радикальный российский социализм выявил весь спектр этих отношений: от личной ненависти, выразившейся в уничтожении несогласных (Нечаев), до сравнительно толерантного отношения к бывшим политическим противникам (до известного периода бывшие меньшевики и эсеры вполне мирно работали в советских учреждениях). Сам Ленин, как показывает его биография, достаточно сильно колебался в этих же крайностях.

В.В. Уфимцев

ПРОЯВЛЕНИЕ «ТОЛЕРАНТНОСТИ» ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Уфимцев
Виктор
Владимирович —
доктор
социологических наук,
проректор
Уральского института
коммерции и права
по научной работе,
профессор кафедры
политологии
и социологии ИППК
при УрГУ
им. А.М. Горького

Данный выпуск альманаха выходит в год десятилетия сентябрьско-октябрьских событий 1993 года. На фоне этого печального юбилея хотелось бы вспомнить проявления «толерантности» в деятельности политических властей в пореформенной России в период 90-х годов. И ответить на вопрос: что привело к развитию таких событий, когда последнее слово остается за пушками танковых расчетов? Этим трагическим дням предшествовала целая цепь и других событий, которые в данном контексте интересно рассмотреть хронологически.

Итак; *середина 80-х годов*, — широко разрекламированная перестройка во главе с политическим лидером М. Горбачевым («лучшим немцем года»), но, в конечном итоге, им самим же и «заболтанная».

1989 г. — I съезд народных депутатов СССР и

последний год хоть какого-либо экономического подъема. Именно с этого периода социальные процессы начали выходить из-под управления, нарастал региональный сепаратизм.

1990 г. — принятие Декларации «О государственном суверенитете России». Под прикрытием данного документа тогдашним политическим руководством республики была развязана «война» бюджетов, «война банков», «война экономических программ».

Именно в этом году появились три варианта программ перехода к рынку, разработанных учеными Института экономики академика Л. Абалкина, получивших названия: радикальный или шоковый; эволюционный; и радикально-умеренный. Варианту радикально-умеренному отдавался приоритет.

Но данному варианту не суждено было воплотиться в жизнь. Речь шла о борьбе за власть. В пику срокам и сути программы союзного правительства готовилась альтернативная программа на базе российского правительства в составе СССР. В основу ее была взята программа «500 дней» С. Шаталина — Г. Явлинского. Суть деяний разработчиков программы, по мнению академика Л. Абалкина, состояла в том, чтобы втихую ликвидировать Союз СССР, заменив его союзом суверенных государств.

1991 г. — августовский путч, который явился еще одним проявлением «толерантности» властей и еще одним поводом для окончательного разрыва единого политического и экономического пространства.

Декабрь 1991 г. — Беловежское соглашение, окончательно разорвавшее единое экономическое и политическое пространство. Что, в свою очередь, открывало шлюз для проведения «шоковой терапии».

1992 г. — шоковая терапия, — модернизированная Е. Гайдаром программа «500 дней», — еще одно проявление «толерантности» властей. Не многие ожидали такого громкого повышения цен. Шоковая терапия одномоментно превратилась в шоковую хирургию, огромную часть населения словно скальпелем отсекали от достойной жизни. А. Руцкой — тогдашний вице-президент России, назвал это геноцидом русского народа. В том же году уже на вершине политической вертикали возникла дискуссия о смене экономического курса. Курс явно проводился не в интересах большинства населения страны, а в интересах узких социальных групп, которых данный курс устраивал.

В руководстве Верховного Совета России, Съезда народных депутатов СССР, высшего органа государственной власти согласно Конституции РСФСР на тот период, зрела оппозиция Президенту Б. Ельцину и Е. Гайдару.

На очередном съезде в декабре 1992 года, по мысли Б. Ельцина, ожидалось утверждение кандидатуры Е. Гайдара на пост Председателя Правительства. Но съезд не утвердил ее. Председателем Правительства стал В.С. Черномырдин, «обязавшийся проводить реформирование без глубокого обнищания народа».

Явно Верховный Совет РСФСР и Съезд на-

родных депутатов РСФСР не торопились к хаотичному перераспределению государственной собственности. Не торопились благословлять курс, который проводился явно не в интересах многонационального населения страны, но который устраивал узкие социальные группы, уже делившие общенациональную собственность и предъявлявшие свои права на власть. Как пишут в учебниках истории: «окрепшая буржуазия предъявляла свои права на «место под солнцем», свои права на власть».

Итак, встал вопрос о смене экономического курса, а, следовательно, в перспективе — о смене политической власти. Возник вопрос «Кто кого?» А поскольку таяла опора Б. Ельцина в лице многонационального населения страны, то ему пришлось делать ставку на поддержку формирующегося класса предпринимателей. Социальный «заказ» этого формирующегося класса вольно и невольно выполнял впоследствии и гайдаровский «Выбор России».

Март 1993 г. — очередной демарш Президента Б. Ельцина — попытка с помощью референдума («Да, да, нет, да») «свалить» законно избранную верховную власть. Не удалось.

Лето 1993 г. — очередная попытка, — теперь через Конституционное совещание, введенное явочным порядком. Не удалось и на этот раз.

И вот, наконец, сентябрьско-октябрьские события 1993 года. На этот раз «термидор» удался. Мужественную позицию в те дни занял председатель Конституционного суда России — В. Зорькин, признав нелегитимность соответствующего Указа Президента.

Но... как это часто бывает в России, последнее слово осталось за пушками танковых расчетов. Полнота власти перешла в руки президента, а фактически, в руки финансово-промышленных групп, которые представляли в большинстве своем не промышленный, а финансово-банковский, спекулятивный капитал.

К концу 1993 года народ, фактически, окончательно потерял власть, потерял право на бесплатное жилье, бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, право на труд. В этом же году появился Указ Б. Ельцина о создании финансово-промышленных групп, а в 1995 — закон о финансово-промышленных группах. У нового парламента — Государственной Думы осталось только три основных полномочия: утверждение бюджета; принятие законов, на которые может быть наложено президентское вето; утверждение кандидатуры Председателя Правительства. Все.

К 1996 году установился и соответствующий политический режим. По форме — это режим ограниченного политического плюрализма, легко переходящий в авторитарный в случае возникновения угрозы власти имущим; по сути — авторитарный режим с формально демократической легитимацией; а по содержанию — это мафиозно-компрадорская плутократия. Такова суть событий сентября-октября 1993 года сквозь призму «толерантности». Благо, что новая исполнительная власть делает первые, хотя и робкие, шаги по исправлению сложившегося положения вещей.